

УДК 271.2-36
ББК 86.372

Л.В. КРОШКИНА

ОБРАЗ ЦЕРКВИ В ЖИТИЯХ МАТЕРИ МАРИИ (СКОБЦОВОЙ)

Автор анализирует житийные произведения матери Марии, написанные в 1920–1930-е годы, в целях выявления образа Церкви, создаваемого персонажами произведений. Рассматриваются как собственно житийные, так и житийноподобные художественные произведения. Церковь представлена как святой, общинный, соборный, единый организм, которому свойственны жертвенное отношение к миру, свобода, ответственность, эсхатологическая направленность и творчество.

Ключевые слова: мать Мария, житие, агиография, Церковь, святой, экклезиологический, община, соборный.

Если рассматривать Церковь как сообщество святых и явление святости¹, то агиографический материал может быть признан одним из лучших для выявления ее образа. Автор сборника житий святых «Жатва Духа» мать Мария (Скобцова)² обращалась к опыту и жизни праведников подобно многим другим агиографам русского зарубежья как к «жизненно явленному учению Церкви» [1, с. 12—15]. Сегодня эти труды дают возможность рассмотреть ее экклезиологические³ воззрения.

В центре церковной проблематики жизнеписатель ставит вопрос взаимоотношений христианства и мира. По мнению автора, важнейшая задача современной церкви состоит в том, чтобы «повернуть христианский лик к миру» [2, с. 104]. Об этом свидетельствуют образы произведений: неизданный рассказ «Иоанникий Великий» (1925), житийный сборник «Жатва Духа» (1927), новонайденные жития и драматическое произведение такой тематики мистерия «Анна» (1930-е гг.).

Темой жизнеописаний святых мать Мария впервые задается в середине 1920-х годов. Именно в это время издательство Имка-Пресс (YMCA-Press) выпускает ряд житий новых агиографов⁴. В отличие от большинства авторов мать Мария обращается не к русским подвижникам, в изучении которых, в первую очередь, заинтересовано

Русское студенческое христианское движение (РСХД), секретарем которого она является, но исследует малоизведанные недра древних византийских преданий. В результате отыскивает малоизвестные жития, в которых, с одной стороны, ищет, по словам Г.П. Федотова, «откровения собственного пути» [3, с. 27], с другой — подтверждения своей интуиции о том, что есть подлинная Церковь и Христианство. Ее интересные находки были мало отмечены современниками (сборник «Жатва Духа» 1927 года издания до сих пор не распродан в издательском магазине в Париже) за исключением рецензии Г.П. Федотова — друга автора⁵, заведующего кафедрой агиологии Свято-Сергиевского института в Париже. Федотов был поражен неожиданностью отбора житий, которые он назвал «редкими жемчужинами»: «Она ищет редкого, и это редкое объединено одной идеей. Все ее жития написаны на тему любви к человеку, — любви беспредельной, парадоксальной, доходящей иной раз до особого юродства — юродства любви <...> Мы удивляемся, что до сих пор проходили мимо этих поисков» [4, с. 554]. Г.П. Федотов сравнивает жития «Жатвы Духа» с исходными источниками и отмечает, что они не искажены.

Наиболее полно и целостно образ Церкви представлен в очерке «Единодушные братья» и мистерии «Анна».

Церковь — «великая киноия»

Очерк «Единодушные братья»⁶ — заключительный в первом выпуске «Жатвы Духа», главным героем которого выступает все сообщество единодушных братьев, что подтверждает экклезиологическую тематику житий, выражен-

¹ В силу многозначности понятия «Церковь» в статье речь пойдет о Церкви с большой буквы, как о Богочеловечестве, сообществе святых, а не как о социальном институте, выявляющем себя в истории. Для различения этих двух понятий далее соответственно используется написание этого слова с прописной и строчной буквы.

² Мать Мария (Скобцова) монахиня, в миру Елизавета Юрьевна Скобцова, по первому мужу Кузьмина-Караваева, в девичестве Пилленко — поэт, художник, религиозный деятель, основатель объединения «Православное Дело» в Париже, в котором она сотрудничала с Н.А. Бердяевым, Г.П. Федотовым, К.В. Мочульским и др.; участник Сопротивления, погибла в немецком лагере Равенсбрюк в 1945 году. В 2004 году Священным Синодом Константинопольского патриархата причислена к лику святых как преподобномученица Мария Парижская.

³ Экклезиология — учение о Церкви.

⁴ Неполный список житийных изданий YMCA-Press: *Гуннуис А.* Св. Тихон Задонский (1927); *Зайцев Б.* Преп. Сергей Радонежский (1925); *Ильин В.* Преп. Серафим Саровский (1929); *Клепинин Н.* Св. Александр Невский (1927); *Федотов Г.* Св. Филипп, митрополит Московский (1928); *Смолич И.* Великий старец Нил Сорский (1928); *Курдюмов М.* Подвиг св. Сергия Радонежского и дело митрополита Сергия (1928); *Флоровский Г.* Житие преп. Симеона Нового Богослова (1929).

⁵ Известны еще несколько откликов современников. В каталоге YMCA-Press 1921—1956. С. 40. В нем говорится, что «Жатва Духа» — это «литературная переработка древних житий, Фиваида, выбор которых сделан так, что они касаются вечных и современных проблем человеческой души...». В Письме П. Ковалева И.В. Морозову. РКП, архив Ymca-Press (Париж). «У Имка есть книжки “Жатва Духа”, но они не все подходят, так как Мать Мария подбирала часто “соблазнительные” жития». Иноксини Иоанны (Рейлингер) в статье Н. Шустова. Свидетельства современника о матери Марии // Вестник РХД. 1992. № 166-III. — С. 277.

⁶ Все цитаты из житий «Жатвы Духа» и «новонайденных житий» даны по кн.: Мать Мария. Елизавета Кузьмина-Караваева. Жатва Духа. СПб.: Искусство, 2004.

ную также и в «соборном» названии, так характерном для сочинений матери Марии («Авва Агр и авва Ор», «Мученик Никифор и Саприкий пресвитер», «Мартиниан, Зоя и Фотиния»). Основу очерка составили два тщательно переработанных рассказа «Древнего патерика» (18: 47—48).

В начале повествования автор упоминает о «великой киновии» (от греч. κοινωβιον — общая жизнь) и Фивейской пустыне, отсылая тем самым читателя к истокам создания первых общежительных монастырей времен Пахомия Великого. Однако агиограф рассказывает не о том, что было когда-либо в истории, а создает образ некой образцовой церковной общины или братства. Свидетельство тому отсутствие имен, введение термина «соборный» (в «Древнем патерике» не употребляется), идея складывания в общую сокровищницу духовных подвигов, а не материальных благ (ср. с книгой «Деяний апостолов»: «Все же верующие были вместе и имели все общее и продавали имения и всякую собственность, и разделяли всем, смотря по нужде каждого»⁷ (2:44—45), а также наличие в общине всех важнейших церковных даров (молчальников, молитвенников, учителей, пророков (прозорливцев), целителей душевных недугов, тружеников).

Несмотря на то, что «киновию» можно назвать и трудовой единицей (в ней пахали, пасли овец, рубили хворост), главное здесь — «соборное согласие» братьев собирать подвиги в единую сокровищницу, в ответственности друг за друга перед Богом.

Что для Матери Марии означает «соборность»? «Православный человек не одинок, — писала она в статье «Вторая евангельская заповедь», — и не в уединении проходит путь спасения, а является членом Тела Христова, разделяет судьбу своих братьев во Христе, оправдывается праведниками и несет ответственность за грехи грешников. Православная церковь — это не одинокое стояние перед Богом, а соборность, связывающая всех узами Христовой и взаимной любви» [5, с. 367]. Пронизывающим ощущением общности всех со всеми, что и есть «соборное начало» [5, с. 367] по ее пониманию, исполнена жизнь единоклубных братьев, между которыми нет несогласия и распри, а только «великая любовь». Именно к такому образу Церкви были устремлены подвижница и другие церковные деятели русского религиозного возрождения, направившие свои усилия на созидание церковного сообщества как соборно-личного организма.

Конфликт сюжета жития «Единоклубные братья» в отпадениях брата-апокрисиария, по должности имевшего дело с миром (согласно своим обязанностям он торговал в городе) и допустившего «в сердце мирские помыслы и желания» [6, с. 31], а именно — пристрастие к приобретению. Грех апокрисиария не соблазняет «великую киновию» братьев, их помыслы не в собирании каких-либо богатств, духовных или материальных, а в «соборном единении» [6, с. 31] и любви. Поэтому, даже когда кажет-

ся, что спасти брата невозможно (после одного мирского злоключения апокрисиарий умирает), все братья, не задумываясь, отдают себя за него на суд: «Владыка, говорят они Христу, суди нас всех за содеянное» [6, с. 33] и искупают его грех.

Знаменательно, что в борьбу с диаволом вступают братья, а не Христос, как это было в источнике. Перед Судией ходатайствуют даже те, которые в начале жития «не дерзали предстоять Божественному престолу» [6, с. 31], и как добрый плод церковной жизни — умножение их даров. По дерзновению и любви братьев «князь тьмы был посрамлен» [6, с. 33], на что указывает просветление лица покойного. *Дерзновение* (автор употребляет это слово в данном эпизоде четырежды) во имя ближнего своего — вот за что воздает Всевышний братьям киновии.

Церковь есть общинность, единство, соборность

Главное в Церкви, по мысли матери Марии, — это Любовь, что и есть ее сущность, проявляющаяся в типичных для нее общинности, единстве, соборности. «Единоклубные братья» так и начинаются: «В великой киновии, находящейся в Фивейской пустыне, все братья положили между собою жить в соборном согласии и совершать все подвиги свои, как бы складывая их в общую сокровищницу, дабы и после смертного часа вместе отвечать им перед Судьей и совместно разделить участь, уготованную им Господом за жизненный путь» [6, с. 31].

Таким образом, «великая киновия» — это и есть Церковь, возрастающая как единый живой организм — в соборном согласии и с общими интересами, в центре которой «великая любовь»: «И не было между ними ни несогласия, ни распри, а жили в великой любви» [6, с. 31]. Описываемые отношения были характерны для Древней Церкви. В житии «Мученик Никифор и его друг Саприкий-пресвитер» автор воспроизводит подобное, рассказывая о дружбе во Христе двух друзей, живущих по-евангельски: «Были они единомысленны и согласны во всем, как бы единым духом в двух телах обитая» [6, с. 35]. Это повествование — очевидная аллюзия на древние христианские тексты: литургические «едиными устами и единым сердцем» [7, с. 73], новозаветные — «одно сердце и одна душа» (Деян. 4:32), «Бог терпения и утешения да подаст вам быть в единомыслии между собою по Христу Иисусу, дабы вы единоклубно едиными устами славили Бога и Отца Господа нашего Иисуса Христа» (Рим. 15:5—6).

Видение Церкви как соборного единства характерно для трудов А.С. Хомякова, которого мать Мария и другие деятели русского религиозного возрождения внимательно изучали, считая себя его преемниками и последователями в учении о Церкви. «Соборность, — вслед за А.С. Хомяковым говорил Н.А. Бердяев, — есть онтологическое качество Церкви. В церковном опыте я не один, я со всеми братьями по духу, повсюду и во все времена жившими» [8, с. 209].

«Любовь определяет собой соборность, она неосуществима в индивидуальной замкнутости и отрешенности

⁷ Цитата дана в синодальном переводе по кн.: Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета: В рус. пер. с прил. — Брюссель, 1989.

<...> Церковь есть свобода в любви» [9, с. 284]; «...никто один не спасается — спасающийся спасается в Церкви» [9, с. 284]; «Церковь есть откровение Святого Духа, даруемое взаимной любви христиан» [9, с. 285]; «Церковь есть живой организм, объединенный взаимной свободной любовью, составляющий абсолютное единство во Христе живых и мертвых своих членов» [9, с. 285]; «Истина там, где беспорочная святость, то есть в целостности вселенской Церкви». «Последний смысл и последний авторитет лежит в самом церковном организме, живущем целостной жизнью духа. Он — это свободная соборность в любви» [9, с. 287] — вот только отдельные выдержки, что есть Церковь, из работы матери Марии «А.С. Хомяков».

Аналогичные мысли она озвучивает и в житийном очерке «Единодушные братья». Соборность здесь выражена в четырех важнейших аспектах:

- собранность в единый организм — пронизывающее ощущение общности всех со всеми⁸;
- собрание в общую сокровищницу личных подвигов; совместная ответственность друг за друга, разделение участи перед Судией за жизненный путь;
- различие даров, харизм каждого, что в единстве жизни являет собой основной мистический принцип существования Церкви — «единство в многообразии» [12, с. 144]. Этот постулат коренным образом и отличает Церковь от безличностного коллектива.

Свою миссию мать Мария видела в воплощении соборно-личных и Богочеловеческих начал, стремилась сделать их «практическими вехами» [5, с. 239] возрождения исторической церкви. Она хотела жить и строить жизнь на этих началах и призывала к этому других: «Мы хотим так эту нашу жизнь изживать, чтобы все те, кто вне ее, увидели и почувствовали единую спасительность, непревосходимую красоту, непреложную истинность именно этого христианского пути» [5, с. 379]. Это дерзание красной нитью прошло через ее труд «Единодушные братья».

Церковь как Святость

Для матери Марии Церковь как соборная община («Единодушные братья») есть те, кто «положили совершать подвиги» [6, с. 31]. Максимализм христианства был свойственен самой подвижнице Марии и святым, которых она почитала. Согласно ее идеалов главная особенность святости — жизнь иная, не «от мира сего» (Ин. 18:36), означающая в первую очередь самоотдачу и самопожертвование, что всегда есть противопоставление человека «миру сему» (то есть миру, лежащему во зле) — «мирское себя миру не отдает» [2, с. 176], много раз повторяла преподобномученица Мария. Святость «Церкви для мира» — самоотдающая любовь, способная преобразить мир. Все святые автора житий устремлены к подражанию

Христу, его жертве, его любви. Пример тому — финальные строки мистерии «Анна»:

Враг, где твой меч губительный?
Змеиной пасти жало.
Где яд твой искусительный?
Душа венец стяжала,
И жертве искупительной
С любовью подражала [12, с. 304]

По мысли автора, свидетельство о том, что святой подражал Христу — это и есть его канонизация. Но это подражание невозможно без благоволения тому самого Всевышнего. Божественный огонь как образ благодати, любви, Божьей силы — «не человеческой природы, говорит в житийном очерке «О Грядущих делателях», это не то, что по природе дано нам, но восхищается нами великим трудом и непрестанным молитвенным общением с Богом и со Христом Его» [6, с. 83]. Святость Церкви — это наполненность Божьей силой Любви. Эта линия часто звучит в творчестве матери Марии. Герои ее произведений не рассуждают о себе — они в других. Это и позволяло создавать так называемые «соборные» жития, которые своим названием («Авва Агр и авва Ор», «Мученик Никифор и его друг Саприкий-пресвитер», «Единодушные братья») говорят о том, что святые не существуют сами по себе, они в ближних, и их спасение в спасении оных.

Уже упоминалось, что праведники матери Марии также дерзновенны. Они дерзают на подвиги, чувствуя силу любви, единственную дающую дар творить Божьи дела и чудеса — не внешние, их автор, как правило, опускает, а сугубо личные, внутренние — изменение сердца, покаяние грешника, что куда тяжелее.

Святой Иоанникий перед тем, как освободить беснующуюся монахиню от ее греха, взять на себя это бремя, «тайным ведением понимает, что в этом пределе дарованы ему Господом силы» [6, с. 17]. Святой Агр перед тем — как отправиться вслед за искушаемым братом в мир, долго молится и понимает, что «любовь к брату сильнее остальных помыслов владеет им» [6, с. 22]. Святой Никифор перед своим мученическим венцом испытывает «великую жалость» и желание «любою жертвою и любым подвигом загладить вину Саприкия перед Господом» [6, с. 30] и идет за отступившего в вере друга на смерть. «Со всяческим дерзновением» [6, с. 32], как мы уже знаем, заступаются перед Богом за согрешившего апокрисиария и «Единодушные братья».

Молитвенники матери Марии пребывают в непрестанном послушании и смирении. Анна в одноименной мистерии, в отличие от непослушной архимандриту Павлы, не желающей терпеть сестру, проявляет истинное послушание и кротость — изгнанная, не сказав ни слова, она покидает обитель. Так же и преп. Марина, обвиненная в грехе, которого она не совершала, проявляет смирение по заветам преп. Исаака Сирина: «Кто истинно смиренномудр, тот, будучи обижен, не возмущается, не принимает клеветы, как истину, и не старается уверить людей, что он оклеветан, но просит прощения» [14, с. 11].

⁸ Интересно, что здесь автор избегает аналогий с образом семьи, в основе которой лежит «инстинкт завивания гнезда, устройства собственной жизни, отделенной стенами от мира, замкнутой на крепкие засовы» [10, с. 436], что противоречит эсхатологической направленности Церкви в отличие от «природных» корней семьи.

Церкви и Свобода

Церковь святых в трактовании жизнеписателя предстает перед нами в последнем действии мистерии «Анна» в образах Василия Блаженного и Анны. Именно юродство автор выбирает для финала мистерии. Главный герой — Анна, ее святость тоже осмысливается как путь безумия, юродства во Христе. К этому явлению в христианстве у матери Марии было всегда особое отношение. В 1930 году публикуется ее статья «О юродивых», где она излагает основные признаки и назначение этого вида святости. Автор размышляет, «является ли юродство личным подвигом спасения души, или в нем открывается своеобразный путь служения миру?» [13, с. 10]. Другими словами: юродство индивидуально или церковно? И отвечает на него однозначно: «Юродство всем напором своим, всем своеобразным своим творчеством направлено на мир, и в мире его непосредственное дело» [13, с. 10]. Более того, опираясь на слова ап. Павла о крестной, не ищущей своего, любви как безумстве Христа ради (1Кор. 1:18—29, 1Кор. 4:10—13), исчерпывающие для нее облик юродства, она заключает: «Элементы его вообще присущи святости» [13, с. 10]. И далее: святость есть «подлинный христианский путь отказа от “мудрости века сего”» [13, с. 11].

Святые для матери Марии нестяжательны не только материально, но, что особенно нужно отметить, и духовно. Цель многих из них — не собирание духовных богатств, а расточение: «...не захотел Господь беречь сосуд этот нераспесканным и решил дать приобретенное Иоанникийем в пищу людям» [6, с. 16], или житие «Серапиона-синдонита»: «...предавался он опять учительству, получая подаяния от людей и давая в обмен им духовные богатства свои» [6, с. 49]. Житие «Серапион-синдонит» — это рассказ о человеке, исполнившем заповедь блаженства о духовной нищете. Уже в начале жития говорится о его «совершенной нищете» [6, с. 44] как о плоде многолетних скитаний инока по монастырям и пустыням, городам и селам⁹.

Церковь, по учению матери Марии, должна быть подвижной и динамичной. Анну в одноименной мистерии архимандрит называет «бурной». Через нее ворвался в монастырь мир, «все замутил, все загрязнил, встревожил» [6, с. 287]. В неопубликованном рассказе «Иоанникий» статичность героя периода «великого откровения», являющегося на самом деле великим соблазном и заключающегося в формуле «Бог и моя душа», противостоит динамике финала рассказа, когда святой, исполненный пламенной любви к земле, идет в мир.

Евхаристическое, жертвенное отношение к миру
Мы крест мирской несем на наших спинах.
Забрызганы монашеские ряссы
Земною грязью... [12, с. 287]

⁹ Житие Серапиона можно считать своего рода иллюстрацией к заповеди о нищете духовной, цель и смысл жизни Серапиона в *отдаче* духовных богатств, в отличие от жития Серапиона у свт. Димитрия Ростовского (там цель его прямо противоположна — *собрание* духовных богатств).

Мать Мария рассматривает Церковь как «мир населенный», где мир — дикий шиповник, из которого Господь со святыми, составляющими Церковь, творит розы (метафора мистерии «Анна»). Она воспринимает Церковь как «Божий сад», Красоту, «бытийственную красоту» [8, с. 211], как скажет Н.А. Бердяев, противостоящую условному эстетизму образа замкнутой на себе канонической церкви.

У Церкви автора житий нет ограды и границы, точнее она постоянно изменяется, потому как призвана вбирать в себя мир, творить из него «Божий сад». «Если в центре церковной жизни стоит эта жертвенная, самоотдающаяся любовь Евхаристии, то где ее границы, где периферии этого центра?» [14, с. 64], — писала мать Мария. Вся жизнь тогда становится Евхаристией, «жертвенным служением в храме мира», «внехрамовой литургией» [15, с. 119], как она ее называла.

Члены Церкви «должны без сожаленья» отдавать душу «за каждое Божье растение», «инок — навоз для Господнего рая» [13, с. 284], то есть Церковь — это основа, удобрение, на котором должен взрасти весь мир. Инок несет мирской крест. Монахиня Павла, персонаж мистерии «Анна», являющаяся оппонентом героини, называет ее «мирской»: «Мирская ты, — и уходи в свой мир» [12, с. 287], — говорит она. Но в житиях монахини Скобцовой святые не отделяют себя от мира, они призваны разделять его участь, жизнь и смерть, как разделял это Христос. Если цель иночества Павлы — покой, мир самой церкви, то у Анны — это сам мир, который надо преобразить. Цель аскезы любого подвижника в понимании автора — возгорание сердца для того, чтобы служить миру жалостливой любовью. Поступательное движение от аскетизма к деятельной любви раскрывается в житиях на примере святых Иоанникия, Виталия, Леонтия, Серапиона.

Опыт Богопознания, ревностное служение истине

В мистерии «Анна» Анна и Василий, в отличие от представителей правящего духовенства — архимандрита и игуменьи, судят о правде и неправде. Анна смело обвиняет фаустоподобного героя Скитальца: «Ты виноват» [3, с. 297]. Она противостоит и неправде Павлы, делая это мирно, но непримиримо и диалогично, через вопрос: «Нам ли чистотой своей гордиться?» [3, с. 287], приводя в пример Христа и Его умаление. В помощь Анне, за ее подвижничество и дерзание, посылается юродивый — Василий Блаженный буквально вырывает Анну из рук дьявола, он вступает с ним в состязание и побеждает.

Необычен и персонаж жития «Лев Катанский и Илиодор волхв». Святитель Лев Катанский решительно расправляется с волхвом Илиодором, вносящем раздор, смуту в жизнь Церкви, поправление христианской веры. Он ценой собственной жизни побеждает неправду колдуна и не позволяет ей торжествовать. Связав его своим омофором, святитель взошел на костер вместе с ним, явив всему народу бессилие волхований. Деяние Льва, конечно же, противоположно инквизиторским кострам, не было ни

одного прецедента среди епископов-инквизиторов, чтобы они отправлялись на костер вместе с «грешниками».

Эсхатологическая направленность Церкви

Приготовление и устремленность к грядущему Царству, полагание цели жизни вне этого мира — важнейшая грань существования Церкви. В очерке «Единодушные братья» Церковь представлена как общность живых и почивших, вся жизнь которых сосредоточена на подготовке к будущему Суду; в образе «киновии» Церковь приходит на Суд соборно. Огненная река в «Филарете Милостивом» — образ трудного и пламенного делания милости и любви, что и есть единственно верный путь в Царство Небесное. Эсхатологизм Мартинаиана (житие «Мартинаиан, Зоя и Фотиния») — в мудрости понимания и «памяти» о том, что полноценная радость бытия — это радость вечного Царства. Теряя эту память, Мартинаиан впадает в искушение по соблазнам Веры, а обретая ее вновь, преодолевает и падение, помогая изменить жизнь самой Вере и другим страждущим.

В очерке «О Грядущих делателях» говорится не только о поисках стяжателями веры путей спасения, но и о путях Церковью Господних, об откровениях святых, о возможности спасения всякой ищущей того душе и достижении «лазоревого берега» грядущего Царства Божьего.

Нельзя не отметить и эсхатологическое название «Жатвы Духа». С одной стороны, оно отсылает читателя к известной евангельской притче («жатвы много, а делателей мало» — (Мф. 9:17)), с другой — к Откровению Иоанна Богослова: «И вышел другой Ангел из храма и воскликнул громким голосом к сидящему на облаке: пусти серп твой и пожни, потому что пришло время жатвы, ибо жатва на земле созрела» (Откр. 14:15). Плод жатвы — это и есть святые, которых Дух Господень жнет и которые есть воплощенная жизнь Духа.

Становится сугубо эсхатологическим и последний выпуск «Жатвы Духа» (из новонайденных житий), в нем много видений и пророчеств о последних временах, что, возможно, говорит о замысле сборника «Жатва Духа» по образу четырех евангелий, где последнее — «духовное».

Церковь как Творчество

Характерная черта святых у матери Марии — творческое отношение к жизни, что близко и свойству динамичности, о котором речь шла выше. Они творят новое по образу Христа («Се творю все новое» (Откр. 21:5)). Иоанникий творит новую молитву — «Упование мое — Отец, Прибежище мое — Сын, покров мой — Дух Святой» [6, с. 14]. Агр уходит от привычной формы аскезы и творит «новую жизнь». Чтобы спасти оставившего пустыню брата, он идет на более трудный аскетический подвиг — уходит в мир. Вместе с братом опускается на самое дно, «и началась для братьев новая жизнь» [6, с. 22], говорит автор. Никифор творит новое мученичество (мученичество за друга); Серапион, Виталий, Макарий тоже обога-

щают свою миссию творческим началом — прокладывают новые пути к душам человеческим; Леонтий претворяет материю (творчество в исцелениях), суровый молитвенник Авва Пимен находит новые пути к исцелению сердец (аскетическое творчество), открывает горизонты спасения страждущим и заблудшим.

Таковы экклезиологические воззрения преподобномученицы Марии Парижской. Церковь агиографа Скобцовой антропоцентрична, она есть новый тип отношения человека к Богу, к ближнему и миру в целом. Мать Мария создала «внехрамовую литургию» [15, с. 119]. Ее воззрения — это не просто философия, теоретическая система взглядов. Свою жизнь она прожила именно так — жертвенно, без границ, как ее святые — во имя ближнего; ее самоотдающая любовь ко всем и во имя Всевышнего воссияла над ней мученическим венцом в концентрационном лагере Равенсбрюка за два месяца до Победы.

Став в один ряд со своими героями она тоже стала святой: «Святая мать Мария» — так значится на мемориальной доске в Риге на улице Элизабетес, 21, доме, где родилась Елизавета Юрьевна Пиленко.

Список литературы

1. Указания и советы кружкам, желающим заниматься изучением различных сторон Православия // Вестник РСХД в Западной Европе. — 1926. — № 4.
2. Кузьмина-Караваева Е.Ю. (*Мать Мария*). Мистика чело-векообщения // Кузьмина-Караваева Е.Ю. Жатва Духа: религиоз.-филос. соч. — СПб., 2004.
3. Федотов Г.П. Святые Древней Руси. — М.: Моск. рабочий, 1990.
4. Федотов Г.П. К «Жатве Духа» // Современные записки. — Париж, 1928. — № 35.
5. Кузьмина-Караваева Е. (*Мать Мария*). Вторая евангельская заповедь // Кузьмина-Караваева Е.Ю. Жатва Духа: религиоз.-филос. соч. — СПб., 2004.
6. Кузьмина-Караваева Е.Ю. (*Мать Мария*). Жатва Духа: религиоз.-филос. соч. — СПб.: Искусство, 2004.
7. Литургия святого Иоанна Златоуста // Православное богослужение в переводе с греческого и церковнославянского языков. — 2-е изд., испр. — М.: СФИ, 2000. — Кн. 2.
8. Бердяев Н.А. Философия свободного духа. — М., 1994.
9. Кузьмина-Караваева Е. (*Мать Мария*). А.С. Хомяков // Кузьмина-Караваева Е.Ю. Жатва Духа: религиоз.-филос. соч. — СПб., 2004.
10. Кузьмина-Караваева Е. (*Мать Мария*). Под знаком гибели // Кузьмина-Караваева Е.Ю. Жатва Духа: религиоз.-филос. соч. — СПб., 2004.
11. Кочетков Г. Свящ. Тайна и таинство Церкви. Опыт современной мистагогии. — М.: СФИ, 2008.
12. Кузьмина-Караваева Е. (*Мать Мария*). Равнина русская. — СПб.: Искусство, 2001.
13. Скобцова Е. О юродивых // Вестник РСХД. — 1930. — № 8—9.
14. Мария (Скобцова). Типы религиозной жизни. — М.: СФИ, 2006.
15. Кузьмина-Караваева Е. (*Мать Мария*). О монашестве // Кузьмина-Караваева Е.Ю. Жатва Духа: религиоз.-филос. соч. — СПб., 2004.